

На правах рукописи

Хрусталева Анна Владимировна

**МЕТОДЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Саратов
2018

Работа выполнена на кафедре общего литературоведения и журналистики
ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Елина Елена Генриховна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры отечественной филологии и
прикладных коммуникаций ФГБОУ ВО
«Череповецкий государственный университет»
Володина Наталья Владимировна

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка Филиала
ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия имени
адмирала флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова»
(г. Калининград)
Говорухина Юлия Анатольевна

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русской и зарубежной
литературы ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»
Крылов Вячеслав Николаевич

Ведущая организация: ФГБУН Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук

Защита состоится «20» февраля 2019 г. в __ часов на заседании диссертаци-
онного совета Д 212.243.02 ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследо-
вательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» по
адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, XI корпус, ауд. 301.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке
им. В.А. Артисевич и на сайте ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследо-
вательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»
https://www.sgu.ru/sites/default/files/dissertation/2018/10/25/dissertaciya_hrustalevoy.pdf

Автореферат разослан « » 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Ю.Н. Борисов

Общая характеристика работы

В современную историографию критики конца XIX – первой трети XX века все активнее вводятся материалы, имеющие отношение сразу к четырем основным потокам литературной жизни–работы, ориентированные на модернистский контекст Серебряного века, авангард, литературное наследие философского ренессанса (в качестве отдельного направления), а также труды о марксистской критике. Очевидно, что в современных условиях необходимо найти новые скрепы, помогающие максимально точно реконструировать рассматриваемый период при всей его стремительной центробежности. В настоящей работе предпринята попытка предложить в качестве подобной «опорной» скрепы категорию исследовательского метода.

Термин «литературный процесс» представляется соответствующим этому диапазону разновекторных явлений, но не во всех чертах, поскольку о последовательном и поступательном «развитии» в позитивистском понимании слова говорить не приходится. По отношению к указанному периоду мы обнаруживаем не столько кризис или прогресс как некие точки перехода в иное состояние, сколько контрапункт идей, социально-философских и эстетических точек зрения, литературных мнений и оценок.

Кроме того, классическое определение литературного процесса едва ли включает интересующие нас пограничные явления, связанные не с поиском форм большей художественной выразительности, но с расширением области *литературы* как таковой. Применяя более универсальную категорию «литературная жизнь», имеем в виду, таким образом, «живую картину взаимодействия художественных и критико-публицистических текстов, только что рожденных и давно созданных, но переживших свою эпоху и прочно вошедших в поздний читательский репертуар»¹.

Четыре указанных потока литературной жизни стали той базой, на которой с купюрами и трансформациями постепенно начала формироваться

¹Елина Е. Г. О соотношении понятий «литературный процесс» и «литературная жизнь» // Вопросы литературы. 1998. № 3. С. 38.

единая общность советского читательского сознания. Первая треть XX века интересна тем, что именно в ней находятся некоторые истоки соцреализма, провозглашенного методом значительно позднее. Ошибочно было бы полагать, что для понимания соцреализма мы должны изучить только лишь марксистскую критику. Исторический процесс сохраняет по крупицам даже разрушенное – культуру побежденных формаций, социальных классов, групп и народов, сошедших с арены. Об этом писал П.Н. Сакулин как о законе инерции.

В реферируемой диссертации дается обширное представление об инерции в литературной жизни на примере вопросов установления цензуры, наследования определенных тем и идей из литературы прошлого.

Изучение истории отечественной литературной критики через общепринятое календарно-хронологическое членение должно быть несколько пересмотрено и расширено за счет категории исследовательского метода в литературной критике. При этом категория метода является важнейшим методологическим ключом для постижения и осмысления как всего корпуса литературно-критических текстов, так и творческой индивидуальности литературного критика.

В диссертации доказывается, что исследовательский метод и литературное направление имеет смысл рассматривать как разнородные категории. Для понимания литературно-критического текста необходимо отдельное изучение исследовательского метода и риторико-коммуникативных стратегий в рамках конкретного литературного направления, применяемого автором. Анализ литературно-критического метода предполагает разграничение инварианта, сочетающего в себе все основные признаки вариантов, и самих его вариантов (модификаций).

Понять законы формирования метода можно лишь тогда, когда удастся обнаружить составляющие методологии конкретного литературно-критического материала. Представляется, что эпоха, связанная с первой третью XX века, давшая самые разные литературно-критические индивидуальности, стили, векторы, является наиболее удачным и максимально оформленным объектом изучения литературно-критической методологии.

Актуальность данной работы определяется необходимостью осмыслить литературную критику первой трети XX века как единый поток, внутри которого различаются в первую очередь не имена или отдельные течения, как это делалось раньше, а наиболее часто примененные, коллективно воспроизведенные в рассматриваемый период подходы к интерпретации текста. Различая метод, направление и мимикрию, мы предлагаем универсальную категорию для объяснения законов существования литературной критики этого периода.

Объектом работы являются литературно-критические тексты М.О. Гершензона, Г.В. Плеханова, Г.П. Федотова, В.Я. Брюсова, В.С. Соловьева и некоторых других литературных критиков исследуемой эпохи.

Предметом исследования является функционирование метода в работах русских литературных критиков первой трети двадцатого века.

Цель работы – комплексное изучение метода в литературной критике и литературной публицистике отдельно взятого периода.

Цель работы предполагает решение следующих задач:

- рассмотреть конкретные литературно-критические практики и определить, как возможно вычленив в них воспроизводимые черты метода;
- определить конкретные характеристики исследовательского метода М.О. Гершензона, В.Я. Брюсова, Г.В. Плеханова, В.С. Соловьева и Г.П. Федотова как наиболее методологически последовательных авторов с помощью демонстрации воспроизводимости основных черт их анализа художественного текста;
- показать необходимость различения метода как содержательного элемента статьи с мимикрией как формально-жанровым и стилистическим элементом;
- доказать, что мимикрия как подражание стилистическое по своему характеру обычно связано с риторико-коммуникативными стратегиями, свойственными конкретному изданию со специфической программной установкой;
- показать, как категория метода решает до определенного предела проблемы типологии и хронологии критики;

- выяснить, на каких критериях возможно построить методологическую типологию русской литературной критики первой трети XX века;
- именно применительно к указанному периоду доказать на конкретных историко-литературных примерах, что наиболее здравым в научном отношении для истории критики как дисциплины является к настоящему моменту возвращение к идее Б.М. Эйхенбаума о методе как приеме исследования.

Методологической базой работы в части определения фундаментальных положений стали труды разных лет М.П. Алексеева, В.Г. Белинского, М.М. Бахтина, Ю.Б. Борева, Н.В. Володиной, Л.Я. Гинзбург, Ю.А. Говорухиной, В.М. Жирмунского, В.А. Келдыша, В.В. Кожина, Л.А. Колобаевой, В.Н. Крылова, Д.С. Лихачева, Н.Л. Лейдермана, а также саратовской филологической школы, в том числе В.В. Прозорова и Е.Г. Елиной. В диссертации последовательно применяется принцип А.П. Скафтымова, отраженный в известном высказывании литературоведа: «Начальный шаг познания вещи не есть вопрос о начале самой вещи. Прежде чем спрашивать: почему?, нужно поставить вопрос: что? Выяснению генезиса должно предшествовать статическое рассмотрение изучаемого явления, т.е. установление его признаков и свойств самих по себе, как они явлены в самом пребывании изучаемого факта».² Именно это положение заставляет нас начинать вычленение сущностных характеристик метода с самого текста литературно-критической статьи и прояснения цели ее написания, а не с устоявшихся оценок, зачастую ложных или неполных.

Новизна работы. Впервые вместе для сопоставительного изучения взят корпус трудов наиболее ярких представителей марксистской критики и религиозно-философского ренессанса и произведено последовательное и системное вычленение основных черт исследовательского метода М.О. Гершензона, Г. Лелевича и других. Впервые показаны особенности исследовательского метода М.О. Гершензона, а также то, каким образом можно использовать категорию метода для систематизации материала истории литературной критики и её периодизации.

² Скафтымов А. П. К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы // Русская литературная критика. Саратов, 1994. С. 136.

Впервые в работе снятие демаркационной линии с 1917 года последовательно связывается с обогащением календарно-хронологического подхода методологической типологией. Метод Лелевича и Гершензона связан не с годом написания работы, а со всей предшествующей литературной деятельностью, ее основными установками. Впервые предлагается последовательно разделять эстетико-коммуникативные стратегии автора и его исследовательский метод. Различая метод, направление и мимикрию, мы предлагаем универсальную категорию для объяснения законов существования литературной критики этого периода.

Для отображения неразрывности первой трети XX века и инертности литературной жизни по архивным делам восстановлены биографии губернского цензора Е.Б. Шульмана и литератора Л.А. Словохотова. Впервые показано, что Г. Лелевич последовательно применял метод при изучении литературного произведения. Рассмотрены, прокомментированы в печати, введены в научный оборот ранее не опубликованные материалы фондов Российского государственного архива литературы и искусства, Государственного архива Саратовской области, Государственного архива новейшей истории Саратовской области, Государственного архива Оренбургской области. Впервые для более полного представления об эпигонстве и стилистической мимикрии приведена подробная информация об участниках саратовской ячейки РАПП, прокомментированы отдельные их публикации.

Теоретическая значимость работы. Впервые для решения столь значимых задач, как построение конститутивно-типологической хронологии литературной критики и периодизации литературного процесса предлагается категория метода. Категория метода показана в качестве стержня, связующего во едино разных представителей религиозно-философского ренессанса. Теоретически разведенные категории «метод» и «мимикрия» применяются к разным типам литературной критики и отражают их содержание, назначение и функциональные особенности.

Практическая значимость заключается в обнаружении новых возможностей периодизации истории литературной критики XX века. Положения настоящего труда могут быть использованы при подготовке семинаров, практических занятий, учебных пособий по литературной критике первой трети XX века.

Положения, выносимые на защиту:

1. Изучение истории отечественной литературной критики через общепринятое календарно-хронологическое членение должно быть расширено за счет категории исследовательского метода в литературной критике. При этом категория метода является важнейшим методологическим ключом для постижения и осмысления как всего корпуса литературно-критических текстов, так и творческой индивидуальности литературного критика.

2. Теоретическую значимость имеет преимущественно то рассмотрение истории литературной критики XX века, при котором 1917 год становится органичной частью первой трети столетия, не являясь при этом радикальным водоразделом. Это объясняется целым рядом обстоятельств общественно-литературной жизни, среди которых наиболее важными являются постепенность и поступенность (на протяжении нескольких лет) формирования новых отношений власти и литературно-художественного сознания, в том числе, способов и особенностей цензурирования, принципиальных различий в диалоге между властью и литературой в столице и провинции.

3. Исследовательский метод и литературное направление имеет смысл рассматривать как разнородные категории. Для понимания литературно-критического текста необходимо отдельное рассмотрение исследовательского метода и риторико-коммуникативных стратегий в рамках конкретного литературного направления, применяемых автором. Анализ литературно-критического метода предполагает разграничение инварианта, сочетающего в себе все основные признаки вариантов, и самих его вариантов (модификаций).

4. Теоретическое изучение проблем художественного и исследовательского метода интенсифицируется и обнаруживает свою актуальность в том случае, когда литературный процесс уже обозначил определенный художественный контекст и включил разнообразный опыт. Научная теория метода строится только на базе конкретных исследовательских статей без включения декларативных элементов вроде лозунгов из манифестов школы, частных писем, бесед

и пр. Для создания научной теории метода алгоритм анализа имеет смысл рассматривать отдельно от стилистической мимикрии.

5. Термины «символистская» и «философская» критика основаны на двух противоречащих друг другу пониманиях литературно-критического процесса – календарно-хронологическом и конститутивно-типологическом. У В.С. Соловьева термин «философская критика» предполагает обращенность к онтологической основе произведения. Расхождение между творчеством и действительностью он объясняет противоречием идеала и конкретного воплощения замысла. Модель вычленения общих для русского религиозно-философского ренессанса исследовательских установок позволяет уточнить границы «философской» и «символистской критики».

6. В пределах русского религиозно-философского ренессанса определяется биографический метод, поскольку в той или иной степени все представители этого течения выстраивали понимание поэта или прозаика на обосновании найденных у него специфических черт мировоззрения с помощью фактов биографии. Истолкование в религиозном ключе А.С. Пушкина позволяет С.Л. Франку создать духовную биографию поэта. Исследовательский метод М.О. Гершензона является радикально-биографическим, так как полностью отождествляет личность автора и повествователя.

7. В основе концепции Г.П. Федотова видится единство его научных представлений из разных сфер. Критик исходит из биографической обусловленности любого творчества и создает образ А.С. Пушкина, построенный на противопоставлении западных и восточных бинарных традиций.

8. У истоков развитого М.О. Гершензоном метода лежали его философские и общенаучные убеждения, сформировавшиеся под влиянием Т. Карлейля, М.М. Троицкого и П.Г. Виноградова. Гершензону было свойственно специфическое, беллетризованное понимание истории.

9. Массовая литературная критика 1920-х годов выходит за пределы собственно литературы и приобретает черты политической пропаганды, при этом категория метода утрачивает связь с творческим процессом, становясь

идеологической надстройкой. Послеоктябрьская критика создала симулякр литературной жизни, который возник как заместитель нового писательства и новой интеллигенции, о которых писали рапповцы.

10. Г. Лелевич, являясь продолжателем идей В.Ф. Переверзева в понимании стержневого образа как отражения классовой психоидеологии, создает последовательную литературно-критическую методологию: системное вычленение в творчестве писателя наиболее частотных характеров и приемов, анализ текста с точки зрения его общесоциальной принадлежности, отношение к писателю как носителю классовой идеологии, обобщение и типизация литературных героев, поиски стержневого образа у больших социальных групп.

11. На протяжении 1920-х годов под значительным влиянием рабочих профсоюзов и других общественных организаций, ослаблявших партийный контроль и располагавших средствами для книгоиздания и печати, нередко появлялась и транслировалась вариативная трактовка художественных произведений, а также выражалась определенная организационная инициатива, идущая вразрез с официально провозглашенными лозунгами и партийной политикой в области литературы. Становление социалистического реализма как метода, произошедшее позднее, ознаменовало принципиально иную эпоху для художественного слова, когда указанная степень свободы исчезла.

12. Критика В.Я. Брюсовым рационалистичного научного знания, наследующего позитивизму как направлению развития общественной мысли, основана на его представлении о рациональной составляющей сознания как о наносной. Брюсов принимал изучение биографии писателя как адекватный метод, хотя и не приветствовал радикальный биографизм М.О. Гершензона. Фактически Брюсов – промежуточное звено между формалистами и наследием культурно-исторической школы.

Структура диссертации определяется спецификой её цели, задач и методов. Работа состоит из введения, семи глав, заключения и библиографического списка (338 наименований).

Основное содержание работы.

В первой главе «Литературно-критический метод: содержание понятия и проблемы терминологии» рассматривается очевидная проблема хронологии, вставшая перед историками и теоретиками литературно-критического процесса. Она заключается в том, что отечественный Серебряный век в наиболее распространенном понимании применим как некий общий вектор к представителям религиозно-философского ренессанса лишь приблизительно, так как по отношению к некоторым из них охватывает только *часть* печатного наследия. Соответственно, если предполагается, что для адекватного представления русской религиозно-философской критики нужно связать ее с Серебряным веком, следует либо оговорить расширенное, выходящее за рамки отечественных культурно-исторических условий, понимание периода, (который, приходится добавить, становится крайне размытым), либо прибегнуть к какому-то дроблению материала на основании пока не ясных литературоведению критериев. Будучи написаны на русском языке, труды философов попадают в поле зрения отечественной критики, но контекст изучения многих из них (хотя и не всех), учитывая материалы зарубежья, следует укрупнять с национального до мирового.

Так, если исследователь считает необходимым остановиться, допустим, на фигуре Г.П. Федотова, полагая возможным рассматривать его статьи о Пушкине в рамках критики, а не литературной публицистики, несомненно, ему придется учитывать факт выхода работы «Певец империи и свободы» в парижских «Современных Записках» 1937 года, когда в России уже не всякий раз упоминали вслух о духовно-интеллектуальных поисках декадентов. Помимо вопроса о периодизации оказываются проблематичными сразу все три формулировки – «русская», «философская», «критика».

Предпринятая мыслителями попытка духовного, подчеркнуто метаутилитарного осмысления классической русской литературы, по своему пафосу явно противопоставленная на разных этапах и декадентству, и марксистской критике, заложившая, несомненно, основы традиции, которая до

сих пор живет обособленной жизнью, вклад некоторых из них в повышение авторитета русской классики за рубежом, по своей величине ещё не оцененный полностью, подлежащий рассмотрению в рамках социологии читателя, а также своеобразное истолкование ими русских классиков, в частности Пушкина, изначально направленное на синтез фактов биографии и творчества – все это говорит о том, что, если рассматривать философов в истории критики, то требуется как можно более полное представление их трудов как автономной школы. Для обеспечения такой автономии предлагается актуализировать категорию метода. В диссертации проводится мысль о том, что представители русского религиозно-философского ренессанса применяли единый методологический инвариант, связанный с отождествлением автора текста с повествователем.

Литературно-критическая методология в отличие от названных ранее категорий (литературно-критическое направление и др.) служит сквозным, объединяющим началом, произрастает сквозь десятилетия и имена, оформляет литературно-критический поток, включающий в себя разные тенденции, стили, жанры.

Во **второй главе «Перед методом соцреализма: демократические тенденции в литературной жизни первой трети XX века и процесс синтеза жанров»** показано, что первую треть XX века объединяют общие тенденции – это синтез жанров и специфическая остаточная «демократичность» литературного процесса.

В первой трети XX века происходит своеобразный синтез жанров за счет уплотнения событийных и психологических основ повествования публицистическими и философскими «вкраплениями» в художественный текст. «Синтез жанров» активно воздействует не только на внутрижанровые процессы, на формирование новых стилеобразований, но непосредственно на сущностные качества художественного стиля – в этом одна из важнейших особенностей «размежевания» реализма на различные течения в конце XIX – начала XX века.

Вместе с публицистикой, с синтезированным философско-аналитическим словом явная демократизация художественного мышления породила необходимость более активного и последовательного обращения писателей к фольклорной поэтике, через нее к народной жизни, как говорилось тогда «к мужику», что не могло не ввести в структуру и поэтику реализма новых линий. Внутри него образуются собственно-классический реализм (вслед за И.С. Тургеневым, Л.Н. Толстым и др.), чеховская (бунинская) линия, гаршинско-андреевское экспрессионистское начало (в его соприкосновении с другими течениями) и др.

Именно в этот период появляется много авторов, которые не были художниками по преимуществу. Они пользовались беллетристическими формулами как средством пропаганды и изложения разного рода учений и теорий.

В связи с известными историческими обстоятельствами в литературу в рассматриваемый период входит волна новых, ранее ею неописанных объектов, новые художественные средства и жанры. Социалистическая культура (особенно литература) в России складывалась в ближайшем соседстве с другими течениями и школами, в тесном общении с ними. Важно отметить, что обстоятельства, вызвавшие появление модернистских направлений в русском литературном процессе, те же, что способствовали возникновению социалистической литературы – это определенная исчерпанность реализма, кризис позитивизма в художественном мышлении, и те процессы в общественной жизни, результатом которых было недовольство российской моделью общественного развития как со стороны демократов-социалистов, так и со стороны творческой интеллигенции, вооруженной другими духовно-философскими идеями.

Любопытно, что начало и конец первой трети XX века охарактеризованы диаметрально противоположной ролью провинции. Регионы постоянно реагировали с запозданием на общественно-политические процессы. Но если в начале века в уездных городах это привело к *сохранению* цензуры,

официально сдерживаемой с 1905 года, то в конце 1920-х годов, ровно наоборот, именно провинция являлась «оазисом» свободолюбия в сравнении со столицей.

В литературной критике рассматриваемого периода можно видеть два серьезных начала с точки зрения ее основных целей и задач – это культуртрегерство (представленное, например, А.К. Воронским) и социальное инструктирование (наиболее полно выраженное в трудах деятелей РАПП).

Вплоть до конца 1920-х годов остаются шансы на существование и развитие культуртрегерской направленности литературно-критического творчества, что успешно воплощается в ряде литературных экспериментов, в том числе, конструктивистской критики. После оформления метода социалистического реализма критика встала на жесткие рельсы абсолютно монистической концепции, в которой нет никакого места для изобретений, так как все уже изобретено. Критика превратилась в инструктаж, в оформление одних и тех же мыслей по готовым лекалам.

Наравне с еще не сформировавшейся политикой партии в области художественной литературы, жанрово-стилевым и идеологическим синтезом определяющей для рассматриваемой эпохи была и относительная свобода печатного высказывания, абсолютно несопоставимая с периодом соцреализма.

В диссертации соотнесены провинциальная и столичная литературные ситуации. Нахождение в провинции в указанное время давало и еще одно преимущество – географическая удаленность от центра способствовала слабости цензурирования устного и печатного высказывания.

В диссертации приводятся архивные сведения, позволяющие судить о некоторой свободе слова. На основе данных Саратовской губернии 1920-х годов можно видеть, что существовали разные способы обхода цензуры. Во-первых, удаленность от Москвы ослабляла возможные формы контроля в условиях дефицита кадров. Для одномоментного учреждения цензуры не было не только достаточного количества кадров, но и средств. В отдельных уездах никакой контроль над средствами массовой информации и печатной продукцией не

велся вплоть до 1925 года. Первостепенной задачей власти стала ликвидация неграмотности, во многих культурных сферах работал принцип «все самокупаемое, если не против партии».

Существенно важным для работы оказались уже известные, а также найденные автором диссертации свидетельства о том, что многие явления литературной жизни начала XX века «перекочевали» в новую советскую действительность. Широко распространенное мнение о том, что руководящая роль в литературном движении 1920-х годов принадлежала партии большевиков, опровергается в работе применительно к отдельно взятому провинциальному Саратову.

Исследование ряда архивных материалов показало, что огромнейшую роль в культурной и литературной жизни периода играли профсоюзы. Часто они разрешали и запрещали литературные постановки. Профсоюз за свой счет занимался ликвидацией неграмотности, он же давал деньги на книгоиздание и подписку на книги и газеты. За счет профсоюза существовали клубы.

Когда то или иное печатное издание или объект культурной сферы оказывались убыточными, «на буксир» их брал именно профсоюз или кооперативный хозорган. Так, союз сельхозкооперации по производству, переработке и сбыту продукции животноводства «разверстали» (в архивном документе употребляется именно это слово) и в поддержку убыточного журнала «Нижневожский колхозник»³, и в пользу деревенского театра⁴. Логично и закономерно, что в таких условиях, когда профсоюз и кооператив брали на себя очень много поставленных партией задач, а решали их «собственной кровью», в тех организациях, где были достаточные денежные средства, иногда возникало стремление автономно, без согласования с кем-либо, обслуживать собственные культурные потребности.

Выяснилось, что партийный контроль над литературной и художественной жизнью в период новой экономической политики не осуществлялся столь

³ ГАНИСО. Фонд фракции ВКП(б) Нижневожского краевого союза сельхозкооперации по производству, переработке и сбыту продукции животноводства. Протоколы общих собраний. Ф. 754. Оп.1. Дело 6. Л.2.

⁴ Там же. Ф. 754. Оп.1. Дело 5. Л.9.

тотально и бесповоротно, как в 1930-е годы, его несколько лет сдерживало опосредующее влияние профсоюза. Профсоюзная организация, особенно представленная нацменьшинствами, нередко подчеркивала специфику своих культурных интересов, претендовала на свободу самоопределения. Это очень важно, так как партийный контроль вплоть до 1928 года, когда все некоммерческие органы подверглись перерегистрации в НКВД, оказывается опосредован профсоюзным контролем. Только после 1928 года цензура приняла ту форму, о которой обычно говорят как о «советской».

В диссертации утверждается, что в период нэпа произошло столкновение двух уровней цензуры – военно-ведомственной и только зарождающейся государственной. Это нашло отражение в некоторой расшатанности общего контроля, когда не было понятно, кому подчиняться. Контроль Агитационно-пропагандистского отдела противостоял контролю Гублита. В архивных документах находится масса подтверждений этому тезису. «Приезжал Вячин. Он привез из Саратовского Гублита рекомендацию о том, что посылается к нам оперетта<...>согласована с Гублитом. Приезжает оперетта, через 28 часов отношение Агитпропа – не допускать оперетты».⁵

Анализ описываемого столкновения имеет научное значение в силу того, что именно оно в приблизительно шесть лет остаточной свободы (1922-1928) сообщало литературной жизни некоторую демократичность, когда могли существовать *альтернативные оценки* литературного произведения. До становления метода соцреализма некоторый дисбаланс партийного контроля способствовал проникновению в литературную жизнь идеологической непоследовательности, двусмысленности.

В третьей главе **«Категория метода в литературно-критическом наследии Г.В. Плеханова и его эпигонов»** показано, что метод Лелевича и его эпигонов – это вариант переверзианства, а оно, в свою очередь, восходит к методологическим поискам Г.В. Плеханова. Так, статья Лелевича про Эдуарда Багрицкого открывается абсолютно переверзевской по своему духу идеей об образе

⁵ ГАНИСО. Ф. 27. Оп.4. Дело 945. Л.4.

как совокупности обобщающих черт классовой психоидеологии. «Каждый писатель воплощает в своих произведениях тот или иной основной социально-психологический образ. У романистов и новеллистов всегда можно обнаружить основного героя, стержневой тип, проходящий через все творчество автора...»⁶.

Другая публикация Лелевича – «От Татьяны Лариной к Даше Чумаловой»⁷ по своей композиции снова начинается с образа, в точном соответствии с переверзевской идеей о том, что понимание произведения вне стержневого образа бессмысленно. Автором показаны два женских типа: «Порхающий яркий мотылёк, изменчивая очаровательница, непоседа, кокетка, любительница увлечений, - это один облик героини дворянской литературы. Томная и кроткая мечтательница, полная романтизма, верная супруга и добродетельная мать...это другой её облик». Далее обнаруживается: «Эти облики в различном сочетании, в различном чередовании, мы находим у Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Тургенева...»⁸. Движение идёт от художественного типа к писателю, а не наоборот. Сначала исследуется образ, а потом уже среда, в которой он возник.

Рассмотрение саратовских публикаций Лелевича показывает, что ничего принципиально нового в интерпретации художественного текста он в период 1927-1928 годов не открывает. Художественная литература остается для него «колоссальным орудием организации психики читательской массы». Ценность классической литературы он признает только в той степени, в какой эта литература способна «заразить» читателя «правильной» идеей. Пушкин дорог Лелевичу «недосягаемыми образцами революционной гражданской лирики». Лелевич исходит из данных биографии писателя. Зная социальное происхождение Ахматовой, он позволяет себе нанести удар по ней как по представителю чуждого социального слоя. Принципиально важно, что автор никогда не остается индивидуумом в своей мастерской, он всегда – часть коллектива.

⁶ Лелевич Г. Литературные заметки. Эдуард Багрицкий // Саратовские известия. 1927. 20 февраля.

⁷ Лелевич Г. От Татьяны Лариной к Даше Чумаловой // Саратовские известия. 1927. 8 марта.

⁸ Там же.

Эстетического анализа как такового у Лелевича немного. Так, из статей о Серафимовиче мы узнаем, что он вскрыл динамику сил в гражданской войне, более выпукло и ощутимо показал конфликты общества по сравнению с народниками, которые только умели изобразить бунт против бар. Но тем не менее Лелевич дает четкие и проникновенные оценки Есенину, Багрицкому, он умеет видеть различные грани стиха, способен отметить тончайшие изменения мелодики и ритма.

Ознакомившись со всей совокупностью литературно-критических статей Лелевича на страницах «Саратовских известий» – о Ф. Гладкове, А. Безыменском, А. Серафимовиче, А. Новикове-Прибое, а также с его печатными заметками и докладами о русской классике, можно утверждать, что какой-то особой эволюции Лелевича в Саратове не произошло. Весь методологический инструментарий, который был явлен в саратовский период, обнаруживается как в более ранних (еще напостовских) статьях, так и на последнем этапе жизни литератора. Так, в своей монографии 1931 года Лелевич пишет: «Во избежание недоразумений, подчеркиваю, что под стилем я разумею диалектическое *единство* идейных, тематических и формальных элементов, выражающее единство классовой психологии»⁹. Именно здесь заключено это смешение разных элементов по Переверзеву. Форма оказывается заложницей идеи и наоборот. Некий обобщенный образ оказывается свойственным сразу нескольким авторам. Исключается возможность неприкосновенности творческого мира, отделения «лодки» автора от океана человеческого коллектива. Все литературные явления Лелевичем воспринимаются с точки зрения их социально-классовой природы.

Таким образом, после демонстрации единства основных черт метода Лелевича, их неизменности и систематической воспроизводимости, в диссертации проводится последовательное сопоставление статей идеолога РАПП и представителей саратовской ячейки организации. При этом на примере саратовских рапповцев вскрывается явление стилистической мимикрии.

⁹ Лелевич Г. Поэзия революционных разночинцев 60-80 гг. XIX века М. ; Л., 1931. С. 33.

В главе делается важнейший вывод, что общая методологическая идея – наличие некой классовой психоидеологии по Переверзеву реализуется как в газетных статьях, так и литературоведческой по своему характеру книге. Значит, приметы метода следует искать целиком в корпусе трудов. Дробление материала по печатным платформам уводит от сути дела.

Для иллюстрации тезиса о том, что первая треть XX века должна рассматриваться как единое целое, так как она инерционно сохранила в себе очень многое из наследия прошлого, в работе приведены абсолютно не известные ранее факты из жизни, цензурируемой и неподцензурной деятельности саратовского литератора Л.А. Словохотова.

В четвертой главе «Особенности критического метода В.С. Соловьева как биографической парадигмы» показывается, почему метод В.С. Соловьева можно считать продолжением биографической парадигмы методов. Указывается, что интерес к истолкованию отдельных фактов из жизни А.С. Пушкина был свойственен Соловьеву и в силу общей доминанты эпохи. Изучение биографии представлялось тогда актуальным не только академическому сообществу, но и эссеистам, «вольным» критикам.

Философский этюд Соловьева «Судьба Пушкина», появившийся в эпоху господствовавшего в пушкиноведении позитивизма, являет собой попытку именно биографического истолкования Пушкина. Центральная проблема статьи – не столько литературная, сколько чисто философская – вопрос о роли «судьбы» и рационального, противостоящего ей начала, (а по современной философской терминологии - проблема соотношения «случайности» и «необходимости» (или «закономерности») в жизни человека. Для выражения своего взгляда на этот вопрос наиболее ярким примером для Соловьева представляется судьба национального гения как совокупность подробностей биографического характера в их последовательности.

Для Соловьева очень важно поэтическое самосознание лирика, понимание им сущности поэзии. «Для характеристики и оценки поэта очень важен вопрос об отношении его собственной сознательной мысли к его делу: как он по-

нимал и за что принимал поэзию?»¹⁰. Поэтому в творчестве любого поэта он выделяет, прежде всего, стихотворения, посвященные поэзии – «поэзию о поэзии» - и с них начинается анализ лирики поэта, в частности, в статьях «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина», «О лирической поэзии», «Поэзия гр. А. Толстого». Другой из главных мотивов соловьевских статей – «двоемирие»: решение поэтом проблемы соотношения реального и идеального миров – этого основного противоречия жизни.

Важнейший критерий оценки лирического произведения для Соловьева – поэтичность формы и содержания в их неслиянности. Прозаизмы разрушают поэтическую цельность стихотворения, поэтому очень важна внешняя отделка произведений. Непоэтическое – общественные и социальные проблемы, патристические и гражданские задачи - это предмет прозы, но не поэзии.

Первый признак поэзии для Соловьева – «вдохновенность». Неудачные стихотворения, например, Полонского, написаны не от вдохновения, а от «разума», – считает критик. Эта антитеза (разум – вдохновение) проходит почти через все статьи Соловьева.

В главе показывается, что наблюдения Соловьева по поводу творчества Ф. Тютчева целиком и полностью базируются на знании личности поэта. В отличие от Шиллера, в котором «механическое мировоззрение», насаждаемое естественными науками, подорвало веру в одушевленность природы и привело к разладу мысли и поэтического чувства, Тютчев, как отмечает Соловьев, «сознательно верил в то, что чувствовал, – ощущаемую им живую красоту принимал и понимал не как свою фантазию, а как истину». Разлад между чувством и мыслью Соловьев считает главным недостатком поэзии, приводящим или к фальши и условности, или к «мертвой дидактике».

Соловьев абсолютно биографичен. Он не мыслит рассмотрение произведения без подчеркивания индивидуальных особенностей его автора. Так, о Лермонтове критик пишет: «И демон гордости, как всегда хозяин его внутрен-

¹⁰ Соловьев В. С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М. : Современник, 1990. С. 484.

него дома, мешал ему действительно побороть и изгнать двух младших демонов, и когда хотел – снова и снова отворял им дверь»¹¹.

Особое отношение философа к искусству как теургии и сакрализация поэзии как наивысшего, божественного рода искусства определили высокий уровень нравственных и эстетических требований критика к поэту. Именно у Соловьева впервые наиболее смело сформулирована концепция лирики как объективного рода литературы, что оказало прямое влияние на формирование его критериев оценки лирического произведения.

У Соловьева мысли Тютчева принадлежат ему одному, возможно без серьезных потерь объединить автора как человека с его героем, в этом заключается его ключевое отличие от эпигонов марксистской критики. По Лелевичу и по Словохотову нет никакой объективно существующей личности автора, в самоописании которой не было бы явлено обобщающе-типичных для всего социального класса образов.

В пятой главе **«Роль биографизма в литературно-критической деятельности М.О. Гершензона»** показано, что представлял собой радикально-биографический метод Гершензона. Впервые система медленного чтения М.О. Гершензоном декларируется в статье 1908 года «Северная любовь Пушкина»¹², где метод получает всецело биографическое истолкование. Статья посвящена прояснению наименее изученных фактов пушкинского пребывания на Кавказе и в Крыму в 1820 году. Подробно изучив маршрут Пушкина, время его отправления из Петербурга и встречи с Раевскими, а также приводя документы из семейного архива М.Ф. Орлова – мужа Екатерины Николаевны Раевской, Гершензон выдвигает новую версию о «северной любви» великого поэта. Он опровергает распространенную точку зрения, что Пушкин любил старшую дочь генерала Раевского, предполагая объект любовных чувств поэта в совсем иной женщине – Марье Аркадьевне Голицыной, урожденной Суворовой-Рымникской.

¹¹ Там же. С. 394.

¹² Гершензон М. О. Северная любовь Пушкина // Вестник Европы. 1908. № 1. С.275 – 302.

«Не подлежит никакому сомнению, что Пушкин вывез из Петербурга любовь к какой-то женщине, и что эта любовь жила в нем на юге еще долго, во всяком случае – до Одессы...», – заявляет исследователь¹³. Причем основным доказательством служат строки, передающие печальные воспоминания Пушкина о своей возлюбленной: «Все думы сердца к ней летят / Об ней в изгнании тоскую». По мысли исследователя эти строки могли быть посвящены только Голицыной, так как Раевская все время украшала изгнание Пушкина, была рядом с ним, и, соответственно, было бы странно поэту тосковать о ней. Пушкинский текст, таким образом, признается достоверным источником биографических подробностей. Различие между биографией и текстом стирается, размывается та тонкая преграда, что отделяет «искусство-слово» от «искусства-жизни». «Пушкин необыкновенно правдив, в самом элементарном смысле этого слова; каждый его личный стих заключает в себе автобиографическое признание совершенно реального свойства, – надо только пристально читать эти стихи и верить Пушкину. Такой опыт медленного чтения (курсив мой – А. Х.) и представляет наш очерк»¹⁴.

Таким образом, по Гершензону, поэт пишет только о реально пережитых чувствах, и все его тексты всецело автобиографичны. В качестве доказательства такой биографичности приведена, в том числе, поэма «Кавказский пленник». В ней Пушкин показывает праздник крымских татар байрам, который он мог наблюдать именно в тех местах, которые он описывает. Притом у Пушкина все верно действительности до деталей.

По сути слова «медленное чтение», которые станут ключевыми для метода, еще не получают полного разъяснения. Личность автора делается идентичной образу лирического героя. Между ними нет разницы. Оба лица якобы переживают одни и те же события. Биография становится ключом к расшифровке произведений. Гершензон полагал, что поэт способен описать только то, что видел сам. В связи с этим он выделял два типа повествователей – «тенден-

¹³ Гершензон М. О. Указ. соч. С. 275.

¹⁴ Гершензон М. О. Мудрость Пушкина. М., 1919. С. 156.

циозных», описывающих модные поветрия и банальные истины, и подлинно талантливых, открывающих истины мироздания, запечатленные в моменты медитации или некоего вдохновения.

«Северная любовь Пушкина» была воспринята большинством пушкинистов в штыки. Основным оппонентом Гершензона стал П.Е. Щеголев, к тому времени уже пушкинист с большим именем. Суть противоречия была в методе. Мейлах пишет о Щеголеве: «Поиски новой методологии связаны с именем Щеголева. Его метод сводится к критическому пересмотру всех источников касающихся Пушкина, и к широкому привлечению черновых рукописей поэта, соответствующих теме исследования»¹⁵. Щеголев не находил оснований для гипотезы Гершензона: «Что такое реальная элементарность правдивости Пушкина в его поэзии? Если она означает, что переживание, выражение которого находим в поэзии, было в душе поэта, то такое мнение конечно, можно принять, но какое же остаётся за ним руководственное значение для биографов?»¹⁶. Серьезной критике биографический метод Гершензона подверг и Ю.М. Лотман. Он считал, что отождествление творческой биографии художника, создаваемой им самим и фактов, имевших место в реальности, неправильно. «Бесполезно рассматривать художественный текст как материал для вычитывания биографических подробностей. Это относится и к тексту поэтического произведения, создаваемого романтическим поэтом из сложного единства поэзии, писем, реальных поступков, дневниковых записей, бытового поведения, перенесённого в жизнь со страниц литературы. Реконструировать на основании этого... внепоэтическую реальность вполне возможно, хотя и достаточно трудно, из-за органического слияния в эпоху романтизма литературы и быта. Однако для такой реконструкции следует анализировать все документальные свидетельства как закодированные сложной системой культурных кодов романтизма и подлежащие дешифровке. Наивное перенесение отдельных строк или «фактов» из кон-

¹⁵ Пушкин : итоги и проблемы изучения / под ред. Б. С. Мейлаха. М., 1937. С. 276.

¹⁶ Щеголев П. Е. Из разысканий в области биографии и текста и Пушкина // Пушкин и его современники. 1911. № 14. С. 56.

текста определённых семиотических документов в чуждый для них контекст биографического исследования здесь показано»¹⁷.

Метод медленного чтения, провозглашенный Гершензоном, заключался не только в отождествлении автора и повествователя, он также подразумевал серьезнейшую критическую работу с первоисточником. Так, предполагалось, что любой автор отмечает противоречия в изучаемых документах. Необходимо было отследить, каким историческим материалом пользуется писатель и определить, нет ли в этом материале внутренних противоречий.

В шестой главе «**Методология В.Я. Брюсова: между наукой и творчеством**» демонстрируется, что метод Брюсова являлся промежуточным звеном между историко-биографической парадигмой, развиваемой Гершензоном, и формализмом как новым течением. Мировоззрение Брюсова сформировалось как относительно устойчивая система взглядов на мир, познание, природу художественного творчества. Только мир «Вечности» как обители истины наделяется Брюсовым подлинным бытием. Не разрушая плоть явления, творческое воображение, как полагает Брюсов, освобождает его от пелены обыденного восприятия, осуществляет сквозное видение мира вплоть до обнаружения запредельного: «Во всем... временном не может не просвечивать вечное. Зоркий глаз во всем мелькающем перед нами усматривает неподвижное, основное. Поэт и должен быть тем зорким, который видит вечное во временном», «хочет прозреть в самую глубину явлений, хочет выявить в своем сознании тайную сущность вещи...»¹⁸.

Брюсов не избегает использования биографических подробностей, но они не приобретают универсальный характер при объяснении им основ творчества. Обращение молодого Брюсова к изучению Пушкина несомненно было связано с общей тенденцией раннего символизма включить в свою родословную классиков русской и мировой литературы, тенденцией наиболее ярко и последовательно выраженной в серии этюдов Д. Мережковского «Вечные спут-

¹⁷ Лотман Ю. Посвящение «Полтавы» (текст, функция) // Проблемы пушкиноведения. М., 1975. С. 52.

¹⁸ Брюсов В. Полн. собр. соч. : В 7 т. М., 1973. Т. 6. Карл V. С. 124.

ники». Но Брюсову уже в 1890-е годы был чужд откровенный импрессионизм и субъективизм Мережковского и Гиппиус, для него неприемлем отказ от научного познания и замена его мистическим откровением как в области искусства, так и в методах его изучения.

В молодости Брюсов мечтал создать обширную «Историю русской лирики», его замысел отличался стремлением поставить характеристики и оценки отдельных поэтов на строгую научную основу, насытить их подлинными фактами. «Моя цель, мой идеал,— признавался Брюсов,— создать такую фактическую историю русской поэзии, к которой прибежали бы все, во все времена...»¹⁹. Известные очерки Брюсова о Тютчеве, о Каролине Павловой, о Баратынском являлись первыми этюдами к задуманной фундаментальной работе.

Вопросы текстологии решительно преобладают и в других выступлениях Брюсова-пушкиниста в первый период его деятельности. Критике текста уделено главное внимание во всех рецензиях 1899–1904 годов, установлением подлинного текста занят Брюсов в статье «Текст пушкинской «Русалки» (1903), он публикует новую редакцию пушкинского стихотворения, посвященного А. Родзянке (1901), кропотливо трудится над его ранними произведениями.

Вышедшая в 1907 году книга «Лицейские стихотворения Пушкина» явилась итогом более ранних текстологических разысканий Брюсова. Брюсов-текстолог проявляет исключительный интерес к редакциям и вариантам как к средству проникновения в творческую лабораторию художника. Поэт-экспериментатор, влюбленный во все тонкости «святого ремесла», Брюсов переносил эти близкие ему лично черты и в область изучения пушкинских черновиков и рукописей, настаивая на их расшифровке, на помещении максимального количества вариантов.

В главе показано, что критик выполнил по сути промежуточную работу между уже исчерпавшей себя культурно-исторической школой и творческим экспериментом формализма.

¹⁹ Брюсов В. Дневники. Проза. М., 2004. С. 79.

В седьмой главе «Сложности идентификации «пограничного» материала: исследовательский метод Г.П. Федотова» продемонстрировано, каким образом можно вычленить общие черты исследовательского метода Федотова. Федотов создает образ Пушкина-защитника свободы, гения, поднявшего русскую культуру, а вместе с тем и личность русского человека на новую духовную высоту. Характерно, что мыслитель рассматривает Пушкина в свете историософских взглядов, а именно бинарной оппозиции восточных и западных социокультурных традиций. Пушкин показан как веха на том пути, на который повела Россию политическая воля Петра I, запустившего маховик национальной модернизации, после чего «котел» отечественной философской саморефлексии стал более открытым для ингредиентов западной мысли. Пушкин для Федотова – фигура знаковая, он является средоточием всех трагических противоречий русской истории, символизируя ту точку «невозврата», когда русская интеллигенция уже не может выражать интересы русского народа, поскольку самоопределение интеллигенции показывает ее полную чужеродность по отношению к народу. Мыслитель приводит своеобразную триаду истории интеллигенции: сначала борьба с царем против народа, затем борьба против царя, и, наконец, решающее сражение и против народа, и против царя.

Любопытно, что и в заглавии одной из статей Федотова, и в самом ее содержании содержится оксюморон – воедино сводятся несочетаемые компоненты – империя и свобода – каким парадоксальным образом могут они соединиться в творчестве одного человека? Федотов объясняет подобное соединение эволюцией политических взглядов поэта – если молодой Пушкин – это мятущийся свободолюбец, художник, который в силу своего творческого темперамента – мятежник, то Пушкин зрелый, по мысли Федотова, являет собой культурного деятеля консервативной ориентации, реалистически оценивающего исторические перспективы России и придерживающегося гражданской позиции конструктивного диалога общественности с верховной самодержавной властью. По Федотову свободолюбие поэта всегда оставалось для него константой политического мировоззрения, вместе с тем зрелый Пушкин трезво осознает,

что государственная власть должна быть достаточно сильной, чтобы защитить свободу именно предотвращением политической революции, грозящей России непредсказуемыми и асоциальными последствиями. Не будет преувеличением утверждать, что мыслитель приписывает Пушкину свои историософские и политические взгляды – он рассматривает пушкинское творчество с позиции христианского социализма, включающего защиту свободы личности в качестве неременной составляющей «русской идеи».

Примечательно, что свои соображения о политических воззрениях Пушкина Федотов снабжает вариацией концептуально-семантического анализа. Он идет довольно простым путем обнаружения ограниченного количества «движущихся» тем – империи, свободы, славы и т.п.

Федотов сопоставляет, как изменяются обнаруженные им константы во времени. Он показывает, что два текста «Воспоминания в Царском селе», датированные 1814 и 1829 годом соответственно, воспроизводят одно и то же словосочетание «великая жена», воспринимаемое автором в качестве одного из метафорических обозначений империи. Таким образом автор пытается доказать стабильное присутствие темы империи в творчестве поэта. Но анализ конкретной словоформы обрывается, он замещен общими рассуждениями о значении государственной власти. Несравненно более развита тема свободы, для раскрытия которой Федотов перечисляет широкий диапазон художественных средств: вино, пир, орел, вскормленный на воле, линия снеговых гор, волнуемое море. Специфическая терминология, связанная со средствами художественной выразительности – метонимия, аллитерация, ассонанс в статьях о Пушкине Федотовым не используется, так как анализ поэзии интересует его с точки зрения содержательных характеристик. Обнаруживается и еще одна интересная особенность статей – автор произведения нигде не рассматривается исследователем отдельно от лирического героя, что позволяет предположить в Федотове сторонника биографической позиции, выраженной еще В.Ф. Ходасевичем, усматривавшим единство Пушкина-человека и творца художественного произведения, глубокую автобиографичность его поэзии.

Статьи Федотова о Пушкине не стоят особняком в его творческом мире, они глубоко связаны с историософскими и политическими воззрениями, поэтому и сам характер герменевтической операции, проводимой как в трудах критико-публицистических, так и историко-филологических, одинаков. В главе показано, что труды Федотова о духовных стихах являются вариацией того же концептуально-семантического анализа, который обнаруживается в работах о Пушкине. Таким образом, подчеркивается общий алгоритм анализа, примененного Федотовым, – вычленение важного для автора концепта, поиски лексики, которая бы наиболее последовательно воспроизводила его. Но при этом снова личность автора отождествляется с личностью повествователя.

В **Заключении** подводятся итоги работы. Дается представление о том, каким образом раскрытие категории метода может являться ключом к наиболее полному описанию достижений литературной жизни первой трети XX века. Указывается на дальнейшие пути соотнесения метода и стиля.

Показано, что любая статья вне зависимости от ее жанровой природы претерпевает на пути от замысла к реализации в печати ряд изменений, иногда кардинальных. Выбор подхода к работе с текстом как источником информации, осуществляемый сознательно или неосознанно, происходит еще на уровне психотипа критика. Алгоритм построения литературно-критической статьи не может быть признан стопроцентно обусловленным первоначальным замыслом автора: масса формально-жанровых атрибутов статьи будет меняться от издания к изданию. Более того, сам автор в диахроническом аспекте не есть константа. Поэтому проявление формально-жанровых и риторико-коммуникативных аспектов статьи зависит не от выбранного исследовательского метода, а, в первую очередь, от конкретной издательской платформы.

Биография автора является своего рода лакмусовой бумагой. При необходимости дать истолкование определенным мировоззренческим взглядам автора следует в той или иной степени отождествить автора и нарратора, пусть и не в такой радикальной степени, как это делал Гершензон. Если возникнет потребность провести сравнительно-литературоведческое исследование в духе

Плеханова, нужно исходить из общности биографии целого социального класса. В случае же с формалистами изначальная установка на отсутствие дескриптивности диктует отказ от обращения к личности.

При рассмотрении всего корпуса трудов религиозно-философского ренессанса и представителей социологического литературоведения можно вычленивть системно воспроизводимые черты общего, коллективно применяемого метода.

В работе продемонстрировано, что локальный литературный процесс не совпадает по своим контурам с процессом, протекавшим в двух столицах. Предложенная концепция снимает необходимость дополнительной проработки периодизации, так как объединяет всех литераторов, исповедовавших принцип стопроцентного биографизма по Гершензону, например, в одно направление. Таким образом, мы можем протянуть нить от славянофилов к Леонтьеву, от Леонтьева к Гершензону и Франку, и, в свою очередь, от Брюнетьера к Плеханову. И подобное рассмотрение будет вполне последовательно.

Перспективой развития темы является привлечение большего количества авторов, которых можно рассмотреть в пределах предложенной модели. Например, в рамках биографического метода представляется корректным изучение литературно-критического наследия К.Н. Леонтьева.

Исходя из положения о тщетности принципа всеобщего блага как отвлеченного начала, не связанного с национальными культурно-историческими ценностями, К.Н. Леонтьев возражал как против космополитизма, так и против племенного национализма как одинаково разрушительных и асоциальных факторов. Резко критикуя Запад, К.Н. Леонтьев считал «среднего европейца» «орудием мирового разрушения». Он усматривал недостатки стиля у русских классиков, давно уже «венчанных на царствие» авторов Золотого века.

Таким образом, в диссертационном исследовании доказывается, что истоки формализма, достижения культурно-исторической школы с ее принципом биографизма, а также сравнительно-историческое литературоведение Плеханова и его эпигонов оказываются тремя «китами» истории русской литературной критики первой трети XX века.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Монография:

1. Хрусталева, А. В. Методология русской литературной критики первой трети XX века : монография / Хрусталева А. В. ; под науч. ред. Е. Г. Елиной. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2018. 240 с.

Статьи в журналах, включенных в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

2. Хрусталева, А. В. Медленное чтение М. О. Гершензона : у истоков метода / А. В. Хрусталева // Вестник Тамбовского университета. Сер. : Гуманитарные науки. 2009. № 6 (74). С. 288-298.

3. Хрусталева, А. В. М. О. Гершензон и проблема научно-исследовательского метода / А. В. Хрусталева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2011. Т. 11, вып. 3. С. 97-103.

4. Хрусталева, А. В. Письмо М. О. Гершензона А. П. Скафтымову в контексте поисков метода / А. В. Хрусталева // Сибирский филологический журнал. 2011. № 4. С. 155-162.

5. Хрусталева, А. В. Проблема автобиографичности А. С. Пушкина и принцип элиминирования «внешней» биографии в трудах С. Л. Франка / А. В. Хрусталева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2011. Т. 11, вып. 4. С. 57-61.

6. Хрусталева, А. В. Русская философская критика : к вопросу о первоочередных терминологических проблемах / А. В. Хрусталева // Филология и человек. 2012. № 2. С. 69-77.

7. Хрусталева, А. В. Символизм в восприятии М. О. Гершензона и С. Л. Франка (о нерешенных вопросах теории литературной критики) / А. В. Хрусталева // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 178-184.

8. Хрусталева, А. В. П. Г. Виноградов и М. О. Гершензон : к вопросу о необходимости унификации наименований научно-исследовательских методов в гуманитарных науках / А. В. Хрусталева // Ученые Записки Казанского государственного университета. 2012. Т. 154, кн. 2. С. 30-37.

9. Хрусталева, А. В. А. П. Чехов как «тенденциозный» писатель в литературно-критических статьях М. О. Гершензона / А. В. Хрусталева // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 2/1 (74). С. 153-156.

10. Хрусталева, А. В. О неустранимом противоречии в литературоведческой рецепции наследия Г. В. Плеханова / А. В. Хрусталева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, вып. 3 С. 53-56.

11. Хрусталева, А. В. О пяти важнейших противоречиях термина «литературно-критический метод» с точки зрения истории критики / А. В. Хрусталева // Вестник Омского университета. 2013. № 3. С. 158-161.

12. Хрусталева, А. В. Л. А. Словохотов в литературной жизни Саратова 1920-х годов / А. В. Хрусталева, Е. Г. Елина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, вып. 3. С. 290-296.

13. Хрусталева, А. В. О противоречиях термина «метод диалектического материализма» в истории литературной критики / А. В. Хрусталева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, вып. 4. С.413-416.

14. Хрусталева, А. В. К проблеме литературно-критического метода К. Леонтьева / А. В. Хрусталева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 308-312.

15. Хрусталева, А. В. Проблема термина «русская философская критика» применительно к концу 19 – первой трети 20 века / А. В. Хрусталева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7. С. 70-77.

16. Хрусталева, А. В. Из истории саратовской партийной цензуры в сфере литературы: новое о Е.Б. Шульмане / А. В. Хрусталева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8. С. 60-65.

Публикации в других изданиях:

17. Хрусталева, А. В. К методологии литературно-критического творчества М. О. Гершензона / А. В. Хрусталева // Филологические этюды : сб. ст. молодых ученых. Саратов, 2003. С. 150-152.

18. Хрусталева, А. В. Поэтика литературно-критической прозы (М. О. Гершензон) / А. В. Хрусталева // Материалы международной конференции «Поэтика прозы». Смоленск, 2003. С. 30-33.

19. Хрусталева, А. В. Концепции символа и символического у В. Иванова и М. Гершензона / А. В. Хрусталева // Информационное поле современной России : практики и эффекты : Материалы III международной научно-практической конференции. Казань, 2006. С. 147-158.

20. Хрусталева, А. В. К проблеме национальной самоидентификации: Опыт М. О. Гершензона / А. В. Хрусталева // Образование и воспитание молодежи в контексте духовных ценностей русской культуры. Саратов, 2007. С. 273-276.

21. Хрусталева, А. В. М.О. Гершензон и Вяч. Иванов: Символ как Имя и Ознаменование (К вопросу об эволюции исследовательского метода М. О. Гершензона) / А. В. Хрусталева // Интерпретация и авангард : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. И. Е. Лоцилова. Новосибирск, 2008. С. 140-150.

22. Хрусталева, А. В. Г. Лелевич и специфика литературной ситуации Саратова 1920-х годов : комментарий к одной литературной ссылке / А. В. Хрусталева // Цивилизация и человек. Саратов. 2010. № 2 (декабрь). С. 156-168.

23. Хрусталева, А. В. О соотношении литературной ситуации 1920-х годов в центре и регионах / А. В. Хрусталева // Проблемы гуманитарных наук. История и современность : альманах. Саратов, 2011. Вып. 12. С. 36-39.

24. Хрусталева, А. В. К вопросу о своеобразии понимания славянофильства у представителей русской философской критики начала XX века / А. В. Хрусталева // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2011. № 7 (50). С. 168-170.

25. Хрусталева, А. В. К вопросу о национальной идее М. О. Гершензона / А. В. Хрусталева // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2011. № 9 (52) С. 142-144 .

26. Хрусталева, А. В. Критика П. Е. Щеголевым биографической позиции М. О. Гершензона / А. В. Хрусталева // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2011. № 9 (52). С. 145-148.

27. Хрусталева, А. В. Отражение историософских и методологических воззрений Г. П. Федотова в статьях об А. С. Пушкине / А. В. Хрусталева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 4. С. 158-162.

28. Хрусталева, А. В. О современном состоянии теории метода в литературной критике / А. В. Хрусталева // Теория и практика социально-экономического развития современного государства. Саратов, 2012. С. 124-128.

29. Хрусталева, А. В. О возможностях дальнейшего использования терминов «литературно-критический метод» и «метод интерпретации текста» / А. В. Хрусталева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 2 (13). С. 138-142.

30. Хрусталева, А. В. Социально-политические и эстетические идеи Константина Леонтьева в рецепции современного литературоведения / А. В. Хрусталева // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2012. № 1 (63). Вып. 1. С. 219-222.

31. Хрусталева, А. В. Концепция христианской политики в философии Владимира Соловьева / А. В. Хрусталева // Тенденции и перспективы развития современного научного знания : Материалы V междунар. научно-практич. конф. 24-25 декабря 2012 года. М., 2012. С. 217-226.

32. Хрусталева, А. В. К вопросу о теории метода в литературной критике и литературоведении / А. В. Хрусталева // Педагогические, социологические и лингвистические проблемы современного общества : сб. науч. тр. Саратов, 2013. С. 89-92.

33. Хрусталева, А. В. О неустранимых противоречиях теории метода в литературной критике и литературоведении / А. В. Хрусталева // Жанр. Стиль. Образ. Актуальные вопросы теории и истории литературы : сб. науч. ст. Киров, 2013. С. 49-53.

34. Хрусталева, А. В. Достоевский в русской философской критике / А. В. Хрусталева // Теоретические и практические аспекты развития современной науки : Материалы VI междунар. научно-практич. конф. М., 2012. С. 320-323.

35. Хрусталева, А. В. Из истории становления термина «соцреалистический метод» в отечественном литературоведческом дискурсе / А. В. Хрусталева // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2013. № 4 (71). С. 197-200.

36. Хрусталева, А. В. К вопросу о содержании термина «метод диалектического материализма» в истории литературной критики / А. В. Хрусталева // Человек. История. Культура. Исторический и философский альманах. Саратов, 2014. № 12. С. 93-99.

37. Хрусталева, А. В. Л. Л. Авербах. Биографическая справка [Электронный ресурс] / А. В. Хрусталева // Большая Саратовская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL : www.saratovregion.ucoz.ru (Дата обращения 01.10.2018. Загл. с экрана. Яз. рус.).

38. Хрусталева, А. В. Л. Г. Калмансон (Г. Лелевич). Биографическая справка [Электронный ресурс] / А. В. Хрусталева // Большая Саратовская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL : www.saratovregion.ucoz.ru (Дата обращения 01.10.2018. Загл. с экрана. Яз. рус.).

39. Хрусталева, А. В. Г. П. Федотов. Биографическая справка [Электронный ресурс] / А. В. Хрусталева, С. А. Иванов // Большая Саратовская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL : www.saratovregion.ucoz.ru (Дата обращения 01.10.2018. Загл. с экрана. Яз. рус.).

40. Хрусталева, А. В. Л. А. Словохотов. Биографическая справка [Электронный ресурс] / А. В. Хрусталева // Большая Саратовская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL : www.saratovregion.ucoz.ru (Дата обращения 01.10.2018. Загл. с экрана. Яз. рус.).

41. Хрусталева, А. В. «Букашка в ниве русской литературы»: письмо Л. А. Словохотова к П. Н. Сакулину (1929) : публикация, вступ. статья, комментарий) / А. В. Хрусталева // Сюжетология и сюжетография. Ин-т филологии Сиб. отд. РАН. 2017. № 1. С. 202-212.

42. Хрусталева, А. В. Хранитель русского слова М. О. Гершензон / А. В. Хрусталева // Горовиц Б. Михаил Гершензон-пушкинист. Пушкинский миф в Серебряном веке русской литературы / Б. Горовиц ; пер. с англ. и вступ. статья А. В. Хрусталевой. М., 2004.

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Подписано в печать 15.11.2018.

Гарнитура Times. Печать Riso.

Усл. печ. л. 1,97. Тираж 100 экз. Заказ 0273.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ИП «Экспресс тиражирование»
410005, Саратов; Пугачёвская, 161, офис 320 ☎ 27-26-93